

Русских Михаил Сергеевич

аспирант, ассистент кафедры политологии
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ ЗА ПРИЗНАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ А. КОЖЕВА

Аннотация:

В статье рассматриваются основные политические аспекты концепции борьбы за признание в политической философии Александра Кожева. Раскрываются особенности практического применения указанной концепции и манипулятивный характер политического представления. Также автор обозначает основные проблемы политического признания на современном этапе.

Ключевые слова:

политическая философия, признание, политическая борьба, политические стратегии, политическое представление, А. Кожев.

Russkikh Mikhail Sergeyeovich

PhD student, Assistant,
Political Science Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

PRACTICAL ASPECTS OF STRUGGLE FOR RECOGNITION IN A. KOJÈVE'S POLITICAL PHILOSOPHY

Summary:

The article examines the main political aspects of the concept of struggle for recognition in Alexandre Kojève's political philosophy. The author discusses the peculiarities of practical application of the mentioned conception and the manipulative nature of political representation. Also, the key issues of political recognition at the present stage are outlined.

Keywords:

political philosophy, recognition, political struggle, political strategies, political representation, A. Kojève.

Проблематика политического признания неизменно выступает одной из наиболее актуальных, особенно в современных условиях, когда в общем мировом пространстве политических отношений могут одновременно звучать противоречащие друг другу доводы за и против признания субъектности того либо иного актора в качестве правомерно действующей политической силы. Данную ситуацию мы вправе рассматривать как кризисную, если понимать под кризисом потребность в переопределении концептуальных оснований политического признания как такового.

Признание в качестве главной цели политической борьбы наиболее подробно рассмотрено в работах русско-французского философа и государственного деятеля Александра Кожева (А.В. Кожевникова, 1902–1968 гг.). Собственно политическое измерение борьбы за признание возникает, по А. Кожеву, вследствие расширения действия гегелевской диалектики Раба и Господина, согласно которой становление человеческой (а вслед за ней и политической) субъектности происходит через самоотрицание и борьбу за признание [1, с. 299]. Стремление быть признанным реализуется в борьбе, тогда как она предполагает отрицание первоначального природного состояния и заведомо известный риск смерти. По А. Кожеву, в результате борьбы возникают два идеальных типа политического признания.

Первый тип – Раб, человеческая (и политическая) субъектность которого остается не актуализированной. Удел оказавшегося в подчиненном состоянии Раба – преобразование природы в хозяйственной деятельности, при этом «труд остается *природной* (то есть господствующей безраздельно. – М. Р.) необходимостью до тех пор, пока Раб сохраняет *природный* страх смерти» [2, р. 83]. Таким образом, расчеловеченный и лишенный исторической перспективы Раб в состоянии признать только своего победителя, то есть Господина, чья субъектность внешне объективируется безусловным признанием со стороны Раба. Однако признания Раба, согласно А. Кожеву, для Господина недостаточно: Раб не состоялся как человеческое существо, соответственно, и сам он, и его признание обесценены данным фактом и не способны полноценно удовлетворить желание Господина. Разрешение этого противоречия А. Кожев видел в диалектическом синтезе (и снятии) типов Раба и Господина в типе Гражданина (восставшего Раба), который бы объединил в себе и потенциальность, и актуальность признания [3, с. 303]. Таким образом, в рамках данной статьи следует обратиться к основным политическим аспектам признания: его онтологии, внутреннему смыслу и временной перспективе свершения.

Первый аспект требует разбирательства с онтологией признания Гражданина. Поскольку А. Кожев рассматривал его прежде всего с позиций философии, точнее говорить о реальном существовании в той или иной степени *близких* типов признания, не способных окончательно преодолеть отношений подчинения и господства (как таковых либо в частных аспектах) в обществе и остановить развитие проистекающего из них неравенства. Тем не менее во всех случаях

возникновение, закрепление и обеспечение близких к типу Гражданина форм признания не могли бы произойти без интегральной организации социального мира в целом на основе *принципа гражданства* и сопутствующих ему правовых, политических и культурных унификаций. Иначе для существования гражданства требуется форма организации, соотносимая с понятиями полиса и позднее – государства (А. Кожев при этом последовательно полагал, что наиболее близкое к полноценно объективному признанию обеспечивалось в *универсалистских* проектах Эхнатона, Александра Македонского, И.В. Сталина [4, с. 375–378]).

Обращаясь здесь к практике политических *отношений*, следует отдельно подчеркнуть значимость для них государства. Последнее рассматривается в качестве отправной и конечной точек всех политических идей и действий: борьба политических сил, будучи противостоянием сторон – представителей интересов *граждан*, связанных с сохранением либо изменением соотношений господства и подчинения (политического, экономического, культурного и, условно, «символического»), замкнута в *государственной* перспективе. Так, степень поддержки неразрывно связанных с предствлением интересов политических сил, их программ и лозунгов измеряется исходя из определенного государства основания – волеизъявления *народа* как совокупности всех *граждан*. Иначе говоря, объективация субъектности как правомочности притязаний политических сил на власть полноценно подкреплена нормативно-правовой (= государственной) кодификацией политического процесса [5, с. 90–91]. Последняя не только определяет критерии признания политической субъектности, но и обеспечивает устойчивость форм постановки/разрешения политических вопросов вообще. В связи с этим необходимо сделать дополнительное замечание.

Следует учесть, что теория и практика признания политической субъектности не всегда могут совпадать. Обеспечиваемое государством признание имеет безусловное значение, пока речь идет о субъектности сил в устойчиво разделенных социальных пространствах, практически исчезнувших в постглобальном мире. Во многих отношениях современному государству как самостоятельно значимой форме организации общественного существования брошены серьезные вызовы со стороны как внешней среды, так и внутренней, вскрывающие недостаточность его суверенитета перед мировыми экономическими, социальными и культурными процессами. Государство, его действия, полномочия и решения введены в круг *спорных* тем, что размывает основания для признания политической субъектности в сугубо государственной перспективе.

Вторая насущная проблема заключается в том, что, несмотря на кодифицирование, значение обеспечивающего и производящего политическое признание основания, то есть *народа*, остается открытым, поскольку его строго нормативно-правовое понимание не является тотальным и само не раз пересматривалось по разным причинам в течение истории [6]. Так, французский социолог П. Бурдьё отмечал, что «факт быть или чувствовать себя вправе говорить о "народе" или для "народа" может составлять сам по себе силу в борьбе внутри различных полей: политического, религиозного, искусства и т. д. <...> Эта сила максимальна в поле политики, где можно играть на всех двусмысленностях слова "народ" ("народные классы", пролетариат, нация, Volk)» [7, с. 222].

По концепции А. Кожева, подобные разночтения следует считать отклонениями, но именно в них, как полагал П. Бурдьё, находится потенциал для многообразных *реальных* политических спекуляций. Высшей ставкой политической борьбы для конкурирующих сил, таким образом, выступает полномочность представлять народ через *частные* (относительно него) группообразующие идентичности, интересы, отношения и сами группы, «показывая» его/их политическое значение (следовательно, и требования, и пути для их удовлетворения) и обеспечивая воспроизводство признания собственной значимости группами как *народом*. Тем самым политическое представление, навязывая тот или иной способ видения, деления и конституирования социального мира, неизменно придает одним группам актуальное политическое значение путем деактуализации других в пределах, обозначенных государством, либо *поверх* них. Говоря иначе, в сегодняшней ситуации проекция данного принципа признания на реальные социально-политические отношения позволяет воспроизводить основания для борьбы (в контексте изменения либо сохранения отношений господства и подчинения), не давая поводов для ее завершения.

Третье практическое замечание связано с временным измерением борьбы за признание. По концепции А. Кожева, познание смысла истории, проходящей путь самоотрицания и борьбы, имеет линейное темпоральное измерение: преодоление «естественности» природы, религии и реальности капиталистического производства поэтапно меняет понимание времени – от его отсутствия в природе к ограниченной временности религиозного сознания, далее к тотальной временности атеистическо-материалистического сознания и к концу истории. При этом историческое время следует понимать не только в связи со сменой эпох, но, скорее, в контексте гуссерлевских горизонтов значений.

В «чистом» варианте телеологизм истории общества и политики подвергался основательной критике еще современником А. Кожева Л. Штраусом [8], поэтому данный аспект концепции следует рассматривать инструментально. Сегодня справедливо полагать, что «конец истории» как исчерпание оснований для политической борьбы представляет собой скорее нигилистический миф, чем реальность: в современном мировом политическом пространстве есть потенциально и реально противоречащие друг другу «проекты признания» с различной временной перспективой, что необходимо воспринимать как следствие естественной гетерохронности мирового политического процесса.

Противоречия, созданные ослаблением государства, с одной стороны, «текучим» значением обеспечивающего признание основания, с другой, и различной временной перспективой – с третьей, создают все условия для произвольного признания субъектности как во внутренней политике, так и в международных отношениях. Эта ситуация ставит под сомнение необходимость существования объективных, то есть независимых от идеологем и прочих предпочтений, оснований признания в современной политике.

Как отмечает в данном контексте британский политолог Р. Саква, практический сдвиг в сторону произвола и *конъюнктуры* признания произошел во многом по итогам Мальтийского саммита 1989 г., асимметрично завершившего эпоху биполярного противостояния победой сил неолиберального порядка [9], нарушившей баланс сил в системе международных отношений. Вследствие этого альтернативные политические проекты фактически и по сей день не воспринимаются как допустимые, поскольку не соответствуют неолиберальным установкам, что в конечном счете способствует их политической кристаллизации и радикализации (например, в случае исламистских движений). Таким образом, в современных международных отношениях равновесие сил не обеспечивается.

Несмотря на умеренный пессимизм, вызванный изученными аспектами, выделим конструктивный момент. Следует перевести внимание исследователей с классических теорий политической борьбы как таковых на рассмотрение их в качестве смысловых «каркасов», вокруг которых агенты ведут активную работу дискурсивного конструирования новых политических реальностей.

Ссылки:

1. Кожев А. Очерк феноменологии права: глава I // Кожев А. Атеизм и другие работы. М., 2006. С. 295–322.
2. Cooper B. What is Post-Modernity? // *Revue canadienne de théorie politique et sociale: Canadian Journal of Political and Social Theory*. 1985. Vol. 9, no. 3. P. 77–89.
3. Кожев А. Очерк ... С. 303.
4. Кожев А. Тирания и мудрость // Кожев А. Атеизм и другие работы. С. 323–386.
5. Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012.
6. См.: Козелек Р. Теория и метод определения исторического времени // *Логос*. 2004. № 5 (44). С. 97–130.
7. Бурдьё П. Назначение «народа» // Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 222–230.
8. Штраус Л. Еще раз о «Гиероне» Ксенофонта // Штраус Л. О тирании. СПб., 2006. С. 275–327.
9. Саква Р. Новая Стена: мифы и ошибки, порождающие украинский кризис // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 4. С. 46–63.

References:

- Bourdieu, P 1994, 'Purpose of "the people"', *Origins*, Moscow, pp. 222-230, (in Russian).
- Cooper, B 1985, 'What is Post-Modernity?', *Revue canadienne de théorie politique et sociale: Canadian Journal of Political and Social Theory*, vol. 9, no. 3, pp. 77-89.
- Hoek, M van 2012, *Law as communication*, St. Petersburg, (in Russian).
- Kojeve, A 2006, 'Outline of the phenomenology of law. Ch. I', *Atheism and other works*, Moscow, pp. 295-322, (in Russian).
- Kojeve, A 2006, 'Tyranny and Wisdom', *Atheism and other works*, Moscow, pp. 323-386, (in Russian).
- Koselleck, R 2004, 'Theory and method of historical time determination', *Logos*, no. 5 (44), pp. 97-130, (in Russian).
- Sakwa, R 2015, 'New Wall: myths and errors that give birth to the Ukrainian crisis', *Polis. Politicheskije issledovaniya*, no. 4, pp. 46-63, (in Russian).
- Strauss, L 2006, 'Again on "Hiero" by Xenophon', *On tyranny*, St. Petersburg, pp. 275-327, (in Russian).